
М. ГАРДЗАНИТИ

Университет Флоренции, Италия

**Антилатинские послания Максима Грека
и русская публицистика первой половины XVI в.
К вопросу о контекстуализации¹**

РЕЗЮМЕ

В статье рассматривается Первое полемическое послание Максима Грека Ф. И. Карпову против латинян, подчеркивается новизна аргументации, разработанной как с точки зрения содержания, так и формы. В частности, автор останавливается на его критике аристотелевского рационализма, с которым Максим Грек познакомился в Италии, в частности благодаря тесным контактам с Джованни Франческо Пико делла Мирандола, и на некоторых фундаментальных вопросах, по которым на Западе велись оживленные дебаты. Что касается второго аспекта, автор рассматривает несколько цитат, среди которых выделяется цитата из Иоанна Златоуста, где толкуется видение пророка Исаии (Ис. 6: 1), а также обращает внимание на использование определенной лексики. Эти элементы явно отличают письма Максима Грека от русской публицистики того времени. Рассматривая Первое полемическое послание Ф. И. Карпову против латинян в более широком контексте, можно утверждать, что в Москве Максим Грек использовал свое итальянское культурное образование, чтобы решить самые актуальные вопросы своего времени в ключе возврата к источникам Священного Писания и восточной традиции.

Ключевые слова: Максим Грек, антилатинская полемика, аристотелизм, итальянский гуманизм, библейские цитаты, патристическая экзегеза, философско-богословская лексика.

Marcello Garzaniti (University of Florence, Italy). The Anti-Latin Epistles of Maximus the Greek and Russian Public Controversy in the First Half of the 16th Century. Towards a Question of Contextualisation

ABSTRACT

The author proposes an analysis of Maximus the Greek's First anti-Latin letter to F. I. Karpov, highlighting the innovative aspect of the argument in terms of both content and form. More specifically, the paper addresses the critique of Aristotelian rationalism that Maximus the Greek had encountered in Italy, especially through his close contacts with Giovanni Francesco Pico della Mirandola, and several other issues subject of lively debate in the West. The second aspect calls into play several quotations including one from John Chrysostom commenting on the vision of the prophet Isaiah (Is. 6: 1), and the use of a specific lexicon. These elements clearly distinguish this letter from coeval Russian public controversy. Analysing the letter in question in a broader context reveals how, in Moscow, Maximus the Greek was able to exploit his Italian cultural formation to address the most topical debates of his time and return to the sources of Holy Scripture and the Eastern tradition.

¹ Перевод Н. Н. Жуковой.

Keywords: Maximus the Greek, anti-Latin polemic, Aristotelianism, Italian humanism, biblical quotations, patristic exegesis, philosophical-theological lexicon.

Антилатинские сочинения Максима Грека обычно рассматриваются в контексте русской публицистики XV и XVI вв. и полемики предшествующего времени. В 30-х гг. прошлого века это направление было открыто исследованием В. Ф. Ржиги.² Чтобы понять новаторский характер его вклада, мы считаем полезным также рассмотреть современные Максиму Греку дискуссии и размышления, которые развивались в то время на Западе. Именно такой подход был предложен для изучения вопроса об астрологии, в котором учитывалось и многолетнее пребывание Максима Грека в Италии.³ В этой связи на исследования, начатые Е. Денисовым, первым отождествившим Максима Грека с Михаилом Триволисом, оказало глубокое влияние стремление определить идеологическую и конфессиональную позицию Максима Грека, в котором нашел отражение подход девятнадцатого века. Более того, надо признать сложность определения роли опыта Максима Грека на Западе не только из-за трудностей восстановления отношений и связей, но, прежде всего, из-за отсутствия знаний как об окружении гуманистов, связанных с Савонаролой и доминиканским орденом, так и библейских и святоотеческих исследований, развивавшихся в то время.⁴

В последние годы мы пытались показать, что оказывается полезным рассмотреть его произведения в свете отношений с современными ему интеллектуальными размышлениями и дебатами в западном мире, в частности, относительно использования источников начиная со Священного Писания, концепции власти и идеи монашеской бедности. Но этот подход должен распространяться и на другие фундаментальные аспекты его мысли, оставившей глубокие следы в русской культуре.⁵ Речь идет не о том, чтобы установить внешние влияния или определить идеологические позиции, а о том, чтобы выделить оригинальный синтез его мысли.⁶

² См.: *Ржига В. Ф.* Опыты по истории русской публицистики XVI в.: Максим Грек как публицист // ТОДРЛ. СПб., 1934. Т. 1. С. 5—110.

³ См.: *Акопуян О.* With “Latins” Against “Latin Vice”: Savonarola, Saint Maximus the Greek, and Astrology // *Rinascimento*. Firenze, 2013. Т. 53. С. 269—279; *Romoli F.* «Trattato contra li astrologi» Джироламо Савонаролы и «Слово противу тщасьих звездозрением предрицати о будущих и о самовластии человеком» Максима Грека: Опыт сопоставительного анализа // *Wiener Slavistisches Jahrbuch (Neue Folge)*. Wien, 2015. Т. 3. С. 1—17.

⁴ О сложности проблемы, связанной с реконструкцией его биографии и интерпретацией его произведений, см.: *Garzaniti M.* Michel Trivolis / Maxime Le Grec (1470 env. — 1555/1556): Sa vie et sa carrière // *Revue des études slaves*. Paris, 2019. Т. 90, № 3. P. 431—452.

⁵ См.: *Гардзанини М.* 1) Перевод и использование Библии в творчестве Максима Грека // *Славянская Библия в эпоху раннего книгопечатания: К 510-летию создания Библейского сборника Матфея Десятого*. СПб., 2017. С. 57—65; 2) «Слово о нестроениях и безчиниях» Максима Грека. К источнику Плача Василии // *Русская литература*. 2021. № 1. С. 55—70; 3) «Стязание о извъстном иночьскомъ жительствоѣ» Максима Грека: Структура произведения и его цель // *Древняя Русь: Вопросы медиевистики*. 2021. № 1 (83). С. 161—170; 4) «Стязание о извъстном иночьскомъ жительствоѣ» Максима Грека: Понятие нестяжательства и его источники // *Древняя Русь: Вопросы медиевистики*. 2021. № 2 (84). С. 142—155.

⁶ Эта работа проводится в сотрудничестве с некоторыми более молодыми коллегами, изучающими различные аспекты произведений и деятельности афонского монаха, она побудила вступить в диалог с учеными, занимающимися различными областями христианского Востока в рамках проекта изучения отношений восточных христиан с *Respublica Litterarum* западного мира (см.: <https://www.villavignoni.eu/event/eastern-christians-and-the-public-of-letters-between-the-16th-and-18th-centuries-correspondences-journey-disputes-ii/?lang=en>).

Мы убеждены, что Максим Грек стремился ответить на самые острые вопросы, которые возникали в России XVI в., в полном согласии с традициями христианского Востока. В частности, осознавая влияние тенденций, которые, казалось, занимали все более доминирующее положение на Западе, которые опирались на наследие средневековой схоластики и возрождающийся интерес к классической философии, афонский монах поставил перед собой цель восстановить подлинные корни христианской традиции первых столетий. Для этой деятельности в своих публицистических произведениях Максим Грек перенял концепции, методы и формы общения, которые принадлежали интеллектуальному сообществу, сформированному, в первую очередь, в Италии, — сообществу, в котором, не будем забывать, византийские изгнанники играли важную роль. Реконструкция этой сложной работы культурного посредничества, которая способствовала развитию общего интеллектуального лексикона с XVI в., возможна потому, что с 1970-х годов исследования рукописной традиции произведений Максима Грека достигли значительного прогресса начиная с исследований Н. В. Синицыной и Д. М. Буланина, а заодно и благодаря новым достижениям в области изучения гуманизма и реформационных тенденций в Италии на рубеже XV и XVI вв. Тогда размышления, предложенные в прошлом петербургским ученым А. И. Ивановым (1890—1976), получают более прочную основу.⁷

Наша цель, таким образом, не в определении масштаба западных влияний в творчестве Максима Грека, а скорее в реконструкции его постоянного и обоснованного стремления предложить России необходимые инструменты, чтобы обратиться к культурной дискуссии, которая глубоко трансформировала представления о человеке и мире, унаследованные от святоотеческой эпохи. Более того, все это происходило в драматическую эпоху, когда Восточная Римская империя оказалась под властью Османов и, хотя сохранила свои религиозные традиции, уже в течение продолжительного времени была не в состоянии больше развивать культурную деятельность и вырабатывать органичные ответы на самые актуальные вопросы того времени.

С момента своего прибытия в Москву, находясь в Чудовом монастыре в Кремле в тесном контакте с придворным окружением, Максим Грек хотя и занимался сложной переводческой работой, был вынужден столкнуться с вопросами философско-теологического характера, начиная с проблем, относящихся к антилатинской полемике и астрологии. Изучение произведений, посвященных этим темам, заслуживает широкого и глубокого анализа, который, очевидно, должен начинаться с рассмотрения рукописной традиции его работ. Подобные исследования уже дали важные результаты и, безусловно, достигнут новых научных успехов.⁸ Однако уже сейчас можно заметить, что антилатинская полемика в целом занимает второстепенное

⁷ См., в частности: *Иванов А. И.* 1) Максим Грек и Савонарола // ТОДРЛ. Л., 1968. Т. 23. С. 217—227; 2) Максим Грек и итальянское возрождение // ВВ. М., 1972. Т. 33. С. 140—157; М., 1973. Т. 34. С. 112—121; М., 1973. Т. 35. С. 119—136.

⁸ Подробное изложение традиционных тем в антилатинских сочинениях Максима Грека в контексте церковнославянской литературы, имевшейся тогда в распоряжении, см.: *Журова Л. И.* Авторский текст Максима Грека: Рукописная и литературная традиции: [В 2 т.]. Новосибирск, 2011. Т. 1. С. 30—178.

место в собрании сочинений под его редакцией.⁹ Фактически его внимание было сосредоточено прежде всего на вопросах, касающихся этических и социальных ценностей христианства, и в частности монашеской жизни.

Антилатинская полемика занимала значительное место в первый период его пребывания в России, когда Максим Грек написал несколько писем немецкому врачу Николаю Булеву (середина XV в. — 1548), врачу Ивана III, который ранее имел практику в Риме при дворе Папы Юлия II¹⁰ и дипломата Федора Карпова (ок. 1475 или 1480 — ок. 1539 или 1545).¹¹ В нашем распоряжении есть их новое научное издание.¹²

Во-первых, как уже отмечалось, следует учитывать, что Максим не акцентирует внимание на аспектах антилатинской полемики, связанной с литургической традицией, начиная с вопроса об опресноках, а сосредоточивается на в высшей степени важном богословском вопросе о филиокве, который, кроме всего прочего, был в центре дебатов на Флорентийском соборе.¹³ Следует иметь в виду, что с XII—XIII вв. аспекты, связанные с литургической традицией, начиная с опресноков, занимали центральное место, приобретая, в свою очередь, богословское значение. Мы видим это в Послании псковского инока Филофея, написанном в те же годы (1523?). В этом послании, известном тем, что в нем изложена доктрина о Третьем Риме, центральная часть напрямую касается вопроса об опресноках и правильном совершении Евхаристии, в частности подчеркивается связь между двумя фундаментальными аспектами церковной реальности: таинством Священства («священства тайна») и канонически действующим празднованием Евхаристии («божественного причастия начало»), чтобы подчеркнуть существенную новизну христианской Пасхи по сравнению с еврейской.¹⁴

Во-вторых, можно заметить, что Максим Грек развивает свою мысль, рассматривая различные аспекты вопроса посредством аргументированного анализа, основанного на систематическом использовании источников в соответствии с иерархическим порядком, в котором первое место занимает Священное Писание, за ними следуют постановления соборов и толкование

⁹ О рукописных собраниях Максима Грека см. введение Синецкой ко второму тому нового издания его произведений (Преподобный Максим Грек. Сочинения / Под ред. Н. В. Синецкой. М., 2014. Т. 2. С. 9—45), которое содержит издание текстов Иоасафовского сборника.

¹⁰ См.: Буланин Д. М. Булев (Бюлов) Николай // Словарь книжников. Вып. 1, ч. 1. С. 101—103; Синецкая Н. В. Булев // ПЭ. М., 2009. Т. 6. С. 361—363.

¹¹ О тесных контактах между Карповым и Максимом Греком в период, предшествующий 1525 г., см.: Буланин Д. М. На пути к архиву Федора Карпова: следы в Чудовом монастыре? // Вестник Санкт-Петербургского университета. Язык и литература. 2021. Т. 18 (1). С. 18—36.

¹² См.: Преподобный Максим Грек. Соч. / Под ред. Н. В. Синецкой. М., 2008. Т. 1. С. 133—144, 171—334 (тексты 2—4, 7—11).

¹³ См.: Журова Л. И. Авторский текст Максима Грека. Т. 1. С. 60.

¹⁴ Третий раздел Послания представляет собой настоящий трактат о Евхаристии и священстве. Об этом наглядно свидетельствует разделение произведения на главы, присутствующее в некоторых более поздних рукописях. Не случайно фрагмент Послания третьей четверти XVI в. озаглавлен «Об опресноках» (Идея Рима в Москве XV—XVI века: Источники по истории русской общественной мысли / Под ред. П. А. Каталано, В. П. Пашуто. Рим, 1993. С. 152). В своих размышлениях русский монах особенно следует так называемому Посланию к Римлянам (Испуста на Римляны). Подробнее см.: Гардзанти М. Библейские цитаты в церковнославянской книжности. М., 2014. С. 121—158; для сравнения с размышлением Максима Грека см.: *Garzanti M. Imperium e sacerdotium nella Russia del Cinquecento fra Filofej di Pskov e Massimo il Greco // Mare nostrum. М., 2021. Т. 2. С. 168—183.*

отцов Церкви. На их основе афонский монах развивает мысль экзегетического и герменевтического характера, особенно внимательно относясь к выбору цитат и использованию терминологии. Библейские и святоотеческие цитаты, таким образом, не только берут на себя роль иллюстрации темы, но и становятся авторитетной основой для развития аргументации.¹⁵

Однако по сравнению с антилатинской полемикой прошлого появляется элемент, который четко отличает размышления афонского монаха и показывает его новаторский подход: радикальная критика аристотелизма. У нас есть привилегированное свидетельство этого в Первом полемическом послании Ф. И. Карпову против латинян (далее — Послание), написанном в то время, когда монах был занят сложной работой по переводу Толковой Псалтири (1521/1522). Развернутое обсуждение, содержащееся в Послании, продолжается и заканчивается во Втором полемическом послании Ф. И. Карпову.¹⁶

В этом Послании автор полемически отвечает на апологию латинского исповедания веры, отстаиваемого Булевым, и обращается, в частности, к вопросу об исхождении Святого Духа на основании филиокве. Причем афонский монах заявляет, что он полностью поглощен работой над переводом и что рвение к истине подтолкнуло его к решению богословских вопросов: «...зане ниже дыхати убо имѣю праздности, объять въ трудѣ преведения Псалтыри, сего ради и отрелкъ бы убо твое прошение, не аще отинюдь ревность еже о истинѣ внутреняя моя обраща, почивати не попущаше, яко убо да не узрится лжа противу истинны и тма противу свѣта хвалитися...».¹⁷

Вся первая часть его размышлений посвящена вопросу о человеческих пределах познания Бога. Используя библейские и святоотеческие источники, а также упоминая сочинения Платона, афонский монах резко критикует позиции радикального аристотелизма («аристотельстии философи») и полное заимствование аристотелевской логики («аристотельския силогизмы», «аристотельскаго художества», «всякого художества логикии»). В действительности цель его критики — не аристотелевская логика сама по себе, а использование ее для рационального объяснения догмы («тѣми утвердит сия догма»), «а не въ обрѣтение божественных догмат и в разсужение»), что фактически опровергает практику, закрепленную святоотеческой традицией.

Этот аргумент вытекает не столько из традиционной антилатинской полемики, сколько из оживленных споров, свидетелем которых стал Максим Грек во время своего пребывания в Италии. Не случайно в начале своего Послания он недвусмысленно заявляет, что критикует «латынска послѣдняя новины и суесловия», а позже, выражаясь более четко, пишет: «Иди умом къ училищем италииским, и тамо узриши по подобию потоков текущих, наипаче потопля//ющих, Аристотеля и Платона и иже окрѣсть их».¹⁸ Его

¹⁵ См.: *Гардзанити М.* 1) Библейские цитаты в церковнославянской книжности. С. 159—178; 2) Перевод и использование Библии в творчестве Максима Грека.

¹⁶ Издание Послания см.: *Преподобный Максим Грек.* Соч. Т. 1. С. 171—198. Следует также рассмотреть обширные комментарии Синицыной и Журовой (Там же. С. 425—439). В развернутой главе, посвященной антилатинской полемике, Журовой сделана попытка реконструировать структуру двух посланий с добавлением полезных таблиц, которые указывают на библейские, святоотеческие и канонические источники, используемые Максимом Греком (*Журова Л. И.* Авторский текст Максима Грека. Т. 1. С. 60—72).

¹⁷ *Преподобный Максим Грек.* Соч. Т. 1. С. 174.

¹⁸ Там же. С. 181.

слова вызывают в памяти знаменитую фреску Афинской школы, написанную Рафаэлем (1509—1511) внутри Апостольского дворца во время папства Юлия II, которую Булев, возможно, видел в Риме.

Этой внешней диалектике («внешнему диалектику» — sic!) и ее софизмам («диалитическими пострѣцании и софизматы»), заклеяемыми словами Павла о светской философии (Кол. 2: 8; Гал. 1: 8—9), Максим Грек противопоставляет внутреннюю философию («внутренней церковной богодарованной философии»)¹⁹. Эта философия питается прежде всего из Священного Писания и боговдохновенных книг («священная книга и иныя богодухновенныя книги») и, следуя святоотеческим размышлениям, признает недостижимость тайны Троицы, превосходящую человеческий разум: «...заповѣди богоносных отець, възбращающа нас яже выше насъ и всего аггельскаго разума вышша суца испытovati и изысковати; да познают, яко почестию съдръжи//ми еже къ предавшим нам таинство Троицы непостижимое».²⁰

В своей трактовке Максим Грек оправдывает полемический подход умелым переплетением библейских и святоотеческих цитат. Особенно важная роль отводится цитате из Иоанна Златоуста, где толкуется видение пророка Исаии (Ис. 6: 1).²¹ Этот важный отрывок из Слова 6 об Озии, также называемый Словом о серафимах, знаменитого архиепископа Константинополя указывает на границы человеческого разума в выразительных терминах, которые стали значимыми в средневековом мистицизме. Чтобы отличить тайну от откровения, приводится сравнение сотканной из золота одежды, образа Священного Писания, с хрупкой паутиной, метафорой человеческого разумения. В подтверждение своей мысли Иоанн Златоуст приводит цитату из Притчей (Притч. 22: 28), которая напоминает о древних границах, установленных «нашими отцами» человеческому познанию. Мы цитируем весь отрывок: «Еже добръ свѣдѣни божественни Иоан Златоустыи такавая глаголеть въ Словѣ о серафимѣх, идѣже протолкует видѣниа блаженнаго пророка Исаиа, имѣют же сице словеса его златая: Еже убо видѣ — глагола, коим же чином — умолчя. Приемлю глаголемая, а не тонцѣ испытывая умолчанная. Разумѣю откровенная, не истязая скровенных, сего бо ради съкровена быше. Постав злат есть // Писании чтение, основа злато и уток злат. Не сотку поучинных поставов, моих помышлени неможение вѣм. Не прелагаи предѣл вѣчных, глаголеть, якоже положиши отцы твои. Предѣлы подвижати небезбѣдно есть; и како, еже Богъ нашъ положил, преложим?»²²

В ходе философского и богословского изложения в некоторых ключевых местах повторяется термин «предание», под которым понимается достояние, унаследовавшее способ рассуждения и интерпретации, сложившийся в первые века христианства, который следует отождествить с эвристическим понятием «традиция». Вот несколько значимых отрывков: «Пагубны убо и прочие изучения и мудрования, и богоносных отець седмькраты събравшихся преданием и учением далече отстоят в толицѣ, яко Богу единому исправити могущу сия».²³ «Духъ бо, — глаголеть, — идѣже хочет дышет»;

¹⁹ Там же. С. 180—181.

²⁰ Там же. С. 177.

²¹ См.: PG. Parisii, 1862. T 56. Col. 136.

²² Там же. С. 182.

²³ Там же. С. 175.

хошет же не индѣ, токмо идѣже Отець и Сынѣ правомудрѣнѣ с Тѣмъ благословится, и по преданиемъ чествуемыхъ богоносныхъ отецъ славословится».²⁴

Мы имеем в виду не просто повторяющийся мотив в церковнославянской письменности, но тему, которая в то время была предметом оживленных дискуссий на Западе. Послание было написано в начале 20-х гг., когда появились первые важные диатрибы о тезисах Лютера в начале Реформации и разгорелась ожесточенная дискуссия о связи между Священным Писанием и традицией.

Только во второй части Максим Грек подходит к сути дискуссии, но останавливается исключительно на вопросе филиокве и исхождения Святого Духа, используя аргумент, основанный на церковной традиции с эпохи апостолов до времени соборов, вплоть до патриарха Фотия и знаменитого синода, на котором он был главным действующим лицом. Внимание Максима сосредоточено не только на некоторых церковных писателях древности, начиная с Дионисия Ареопагита, явно относившегося, как большинство тогда считало, к апостольской эпохе, но и на положениях соборов с особым учетом позиции пап. Начав с папы Целестина до папы Льва, после упоминания Иоанна Дамаскина, прозванного «сладкопѣсенный орган Пресвятого Духа», он доходит до пап Иоанна VIII и Адриана II, которые поддержали позицию патриарха Фотия. Говоря об этой эпохе, имевшей место шесть веков назад, афонский монах, кажется, с ностальгией вспоминает, что как в Древнем Риме, так и в Царьграде процветала «бог вдохновенная философия», «святость и целомудренная жизнь»: «Ни ли множае, неже шестьсотъ // лѣтъ проидоша, отнеже сия писаниа съдѣлана суть? Не в Римѣ ли Ветхом и в самом Царствующем тогда градов, пред самодрѣжцы и архиерѣи и учителя, егда не токмо въ всей богодохновенной философии и глаголемой внѣшней съвършеннѣише цвѣтяху и украшяхуся оба пресвятѣише грады, но и святости, и житию цѣломудрену, и кротости духа и священскаго и гражанскаго чина преизобильнѣише облистоваху, сия дѣйствовахуся».²⁵

Критика рационалистического аристотелизма, с которым связана тема пределов познания Бога, исходит не столько из традиционной антилатинской полемики, сколько из полемики, которой молодой Михаил Триволис, т. е. Максим Грек, был свидетелем во время своего пребывания в Италии. Савонарола был сторонником этой критической позиции, продвигая философские размышления, уже присутствующие у Джованни Пико делла Мирандола, которые позже были приняты и развиты его племянником Джованни Франческо Пико делла Мирандола (1469—1533), горячим последователем Савонаролы, а также его биографом.

К моменту смерти монаха-доминиканца на костре (1498 г.) молодой Михаил Триволис, уже глубоко впечатленный его проповедью, стал секретарем Джованни Франческо Пико. Переехав в Мирандолу, цитадель сторонников Савонаролы, он отказался от сотрудничества с Урчео Кортези, называемым Кодро (1446—1500), известным греческим ученым, профессором Болонского университета и сторонником аристотелизма, у которого он жил несколько месяцев (1496?). Этот выбор ясно показывает, что Максим уже в юности

²⁴ Там же. С. 176.

²⁵ Там же. С. 195—196.

критически оценивал аристотелевский рационализм с позиций христианской апологетики.²⁶

В июле 1496 г., когда трагическая судьба Савонаролы была предрешена, Джованни Франческо Пико опубликовал в Болонье небольшой трактат «*De studio divinae et humanae philosophiae*», в котором мы находим такое же различие между языческой философией и христианской мыслью, как представленное в Послании.²⁷ В первой книге, в частности, Джованни Пико подчеркивает, что языческая философия хотя и полезна, но не кажется необходимой, и наглядно это демонстрирует серией ярких примеров из христианских мыслителей, начиная с Павла и Дионисия Ареопагита, переходя далее к Оригену и наиболее выдающимся греческим и латинским отцам Церкви, затем — к средневековым философам и закончив Джованни Пико. Савонарола предстает здесь ярким примером христианской апологетики, прежде всего в своей критике астрологии. Во второй книге раскрывается центральная роль Священного Писания, единственного хранилища «божественной философии», которое противопоставляются языческой письменности (*litterae gentiles*), выражающей учение язычников (*doctrina gentium*). В качестве примера приводится сравнение Демосфена с Исаией, как уже предложил Виссарион Никейский, самый именитый представитель греческой диаспоры в Риме. Только эта «божественная философия», по мнению гуманиста из Мирандолы, могла привести к божественному созерцанию.

В концепции «вдохновенной философии», использованной Максимом Греком, нетрудно распознать ту же идею «божественной философии», проиллюстрированную в *De studio divinae et humanae philosophiae*. В своих размышлениях Максим Грек возвращается к наследию христианского Востока, начиная с различия «внешней» и «внутренней» философии. Однако надо признать, что эта работа по возвращению уже началась на Западе, как показывают переводы греческой апологетики первых веков, выполненные в монастыре Сан-Марко во Флоренции именно во времена Савонаролы.

Этот небольшой памфлет Джованни Франческо Пико составляет вторую часть тома, содержащего еще одно из его произведений, озаглавленное «О смерти Христа» (*De morte Christi*), посвященное послушникам монастыря Сан-Марко во Флоренции, в котором Савонарола был приором. Только через шесть лет после того, как он был секретарем Джованни Франческо Пико, Михаил Триволис поступил в монастырь Сан-Марко послушником.

Самые последние исследования подчеркнули развитие философских размышлений Джованни Франческо Пико и ту роль, которую он играл в Европе (особенно в Германии), следуя пути, начатому в годы, проведенные

²⁶ Подробнее о Кодро см.: *Gualdo Rosa L. Antonio Cortesi Urceo detto Codro // Dizionario Biografico degli Italiani* 29. Roma, 1983. URL: <http://www.treccani.it/biografico/index.html> (дата обращения: 22.12.2021). О его отношениях с Михаилом Триволисом см.: *Denissoff E. Maxime le Grec et l'Occident: Contribution à l'histoire de la pensée religieuse et philosophique de Michel Trivolis*. Louvain; Paris, 1943. P. 170—180, 187—188; *Синицына Н. В. Максим Грек. М., 2008. С. 33—34.*

²⁷ *Iohannes Franciscus Picus e Mirandola. De studio divinae et humanae philosophiae*. Bononiae, 1496 (ex. off. Benedicti Hectors Bononiensis). Краткий анализ этой работы в духе христианской апологетики представлен в изд.: *Pappalardo L. Le strategie dell'apologetica cristiana nelle opere giovanili di Gianfrancesco Pico della Mirandola: il De studio divinae et humanae philosophiae // Archivio di storia della cultura. Napoli, 2011. T. 24. С. 3—30.*

в контакте с Савонаролой.²⁸ Сам доминиканский монах стал сторонником изучения греческой скептической философии в антирационалистической функции, и Джованни Франческо Пико последовал именно его указаниям, разработав свою критику радикального аристотелизма, широко распространенного в университетах. С открытием классической культуры, особенно древних философов, начиная с Платона и Аристотеля, этот рационалистический подход к христианским догмам и Священному Писанию был радикализован, часто исключая любые ограничения в познании разума. Несомненно, следует систематически и глубоко исследовать связь между размышлениями Максима Грека и Джованни Франческо Пико и Савонаролы, но для этого необходимо преодолеть схематическое противопоставление Средневековья, олицетворяемого Савонаролой, и эпохи Возрождения, воплощением которой являются философы-гуманисты.²⁹ Это философское размышление, которое на данный момент выходит за рамки настоящего исследования, важно для понимания культурного положения фонского монаха.

Эти соображения помогают нам, например, понять причины, по которым произведение Максима Грека, посвященное событиям вокруг Савонаролы, «Повесть страшна и достопамятна монаха Максима Грека и о совершенном иноческом жительстве»,³⁰ начинается с рассказа о зарождении картезианского ордена, связанном со смертью Раймонда Диокре (ум. 1084), профессора Парижского университета, известного своей рационалистической позицией. Его похороны, отмеченные чудесными событиями, которые продемонстрировали божественное осуждение академика, побудили группу молодых студентов бросить учебу и основать новый созерцательный религиозный орден.³¹ В этом рассказе нетрудно распознать резкую критику академических кругов того времени и отголосок новой ориентации Максима Грека в юности, о которой свидетельствует его небольшой труд, где упоминается его давний окончательный разрыв с языческой культурой.³²

Московская культурная среда не была, конечно, знакома со спорами о радикальном аристотелизме западного происхождения, и это наглядно демонстрирует тот факт, что в Послании терминология, касающаяся аристотелизма, является предметом пояснительных толкований или представляет текстовые варианты, свидетельствующие о редакторской осторожности.³³

²⁸ См.: Pappalardo L. Gianfrancesco Pico della Mirandola: fede, immaginazione e scetticismo. Turnhout, 2014.

²⁹ См.: Tromboni L. La cultura filosofica di Girolamo Savonarola tra predicazione e umanesimo: Platone, Aristotele e la Sacra Scrittura // Cahiers d'études italiennes. Grenoble, 2019. Т. 29. URL: <http://journals.openedition.org/cei/6184> (дата обращения: 22.12.2021).

³⁰ См.: «Повесть о иноческом жительстве и повесть о Савонароле» в изд.: Журова Л. И. Авторский текст Максима Грека. Т. 2. С. 239—249. См. также: Garzaniti M. Michele Trivolis alias Massimo il Greco, Girolamo Savonarola e i domenicani di San Marco (Firenze) // I Domenicani e la Russia (Roma, 9—10 dicembre 2016) / Archivum Fratrum Praedicatorum. Roma, 2019. Т. 4 (NS). P. 41—74.

³¹ См. недавнюю монографию Ф. Ромоли, в которой подробно исследуются возможные источники «Повести страшной и достопамятной»: Romoli F. Massimo il Greco e gli ordini religiosi dell'Occidente: esperienza ed evidenza documentaria nella testimonianza alla Moscovia cinquecentesca. Firenze, 2021.

³² См.: Garzaniti M. Michel Trivolis / Maxime Le Grec (1470 env. — 1555/1556). P. 436.

³³ См.: Преподобный Максим Грек. Соч. Т. 1. С. 425—439.

Однако Максим Грек ясно чувствовал, что этот рационалистический подход, касающийся даже тайны Троицы и исхождения Святого Духа, теперь достиг и Москвы. Мы не знаем напрямую содержания писем Николы Булева и его деятельности при дворе великого князя, но со слов Максима Грека мы узнаем, например, что прославленный врач использовал геометрические фигуры круга и треугольника для объяснения догмата о Троице: «Николаи же и иже о нем в таковую дръзость поплъзнушяся, яко и образы геометричными съкровеное и необразуемое вышесущественаго Божества кичѣтися показати кромѣ написанных». ³⁴

Это были обычные процедуры в схоластической традиции, которым уже ранее, в годы Флорентийского собора, кардинал-философ Николай Кузанский (1400/1401—1464?), тоже немец, пытался дать толкование в ключе неоплатонической теологии. Тогда для Максима стало принципиально важно подчеркнуть, особенно путем обращения к святоотеческим размышлениям, недостижимость догмы и невозможность для человека понять ее рационально.

Эти послышки являются основополагающими для более детального анализа Послания (как и других на ту же тему) с лингвистической и литературной точки зрения. На лингвистическом уровне, например, отметим некоторые выражения, принадлежащие к латинскому и греческому лексикону, начиная с латинизма «под югом», ‘sub iugum’ (в основной рукописи ГИМ, Синодальное собр., № 791, в других рукописях — «игомъ»), относящегося к османской власти; идея аристотелевской науки переведена термином «художество»; термин «феология» использован (трижды) в дополнение к термину «богословие»; калька «логика» употребляется наряду с «разсужением» в смысле ‘ratio’, встречаются грецизмы «догматы» (с рукописной глоссой «мысли богословныя» в ГИМ, Епархиальное собр., № 405) и «софизматы» (с глоссой «злохытрствы» в различных кодексах); применяется термин «Пораклит» (дважды с рукописной глоссой «Утѣшителя» в Епарх. 405). В Послании также должно быть отмечено использование лексики, относящейся к диатрибам, характерным для западного мира, и, в более общем плане, — к искусству аргументации, типичному для трактатов. Следует особенно подчеркнуть использование риторических форм, характерных для полемической литературы того времени, адаптированных в данном случае к форме письма.

В этом контексте находится полемика, которую греческий монах вел в России против астрологии и идеи рока и судьбы, демонстрирующих возвращение язычества на Западе. Видение человека созданным по образу и подобию Бога в соответствии со святоотеческим толкованием, которое он исповедовал, казалось диаметрально противоположным детерминизму астрологических предсказаний. Его письма против астрологии, по существу, следовали аргументам, основанным в первую очередь на Священном Писании и святоотеческих произведениях, которые Пико делла Мирандола и сам Савонарола обращали против астрологических практик. В центр внимания Максим Грек поставил совершенно актуальную для Запада того времени

³⁴ Там же. С. 187.

проблему свободы человека, используя термин «самовластие» для передачи концепции ‘*liberum arbitrium*’.³⁵

Таким образом, кратко проиллюстрировав одно Послание, но рассматривая это произведение в более широком контексте, можно утверждать, что в Москве Максим Грек смог использовать свое итальянское культурное образование, чтобы решить самые актуальные вопросы своего времени в ключе возврата к источникам Священного Писания и восточной традиции.

Список литературы

Буланин Д. М. Переводы и послания Максима Грека: Неизданные тексты. Л., 1984. 277 с.

Буланин Д. М. Булев (Бюлов) Николай // Словарь книжников. Вып. 1, ч 1. С. 101—103.

Буланин Д. М. На пути к архиву Федора Карпова: следы в Чудовом монастыре? // Вестник Санкт-Петербургского университета. Сер.: Язык и литература. 2021. № 1 (18). С. 18—36.

Гардзанити М. Библейские цитаты в церковнославянской книжности. М., 2014. 232 с.

Гардзанити М. Перевод и использование Библии в творчестве Максима Грека // Славянская Библия в эпоху раннего книгопечатания: К 510-летию создания Библейского сборника Матфея Десятого. СПб., 2017. С. 57—65.

Гардзанити М. «Слово о нестроениях и безчиниях» Максима Грека: К источникам Плача Василии // Русская литература. 2021. № 1. С. 55—70.

Гардзанити М. «Стязание о извъѣстном иночьскомъ жительствоу» Максима Грека: Структура произведения и его цель // Древняя Русь: Вопросы медиевистики. 2021. № 1 (83). С. 161—170.

Гардзанити М. «Стязание о извъѣстном иночьскомъ жительствоу» Максима Грека: Понятие нестяжательства и его источники // Древняя Русь: Вопросы медиевистики. 2021. № 2 (84). С. 142—155.

Журова Л. И. Авторский текст Максима Грека: Рукописная и литературная традиции: [В 2 ч.]. Новосибирск, 2011. Ч. 1. 494 с.; Ч. 2. 303 с.

Иванов А. И. Максим Грек и Савонарола // ТОДРЛ. Л., 1968. Т. 23. С. 217—227.

Иванов А. И. Максим Грек и итальянское возрождение // ВВ. М., 1972. Т. 33. С. 140—157; 1973. Т. 34. С. 112—121; 1973. Т. 35. С. 119—136.

Идея Рима в Москве XV—XVI века: Источники по истории русской общественной мысли / Под ред. П. А. Каталано, В. П. Пашуто (*L'idea di Roma a Mosca, XV—XVI sec. Fonti per la storia del pensiero sociale russo*). Рим, 1993.

Преподобный Максим Грек. Соч.: [В 2 т.] / Под ред. Н. В. Сеницыной. М., 2008. Т. 1. 568 с.

Преподобный Максим Грек. Соч.: [В 2 т.] / Под ред. Н. В. Сеницыной. М., 2014. Т. 2. 432 с.

Ржигя В. Ф. Опыты по истории русской публицистики XVI в.: Максим Грек как публицист // ТОДРЛ. М.; Л., 1934. Т. 1. С. 5—110.

Сеницына Н. В. Максим Грек. М., 2008. 240 с.

Сеницына Н. В. Булев // ПЭ. М., 2009. Т. 6. С. 361—363.

Акопуян О. With “Latins” Against “Latin Vice”: Savonarola, Saint Maximus the Greek, and Astrology // *Rinascimento*, 53. P. 269—279.

³⁵ См.: *Romoli F.* «Trattato contra li astrologi» Джироламо Савонаролы и «Слово противу тщщихся звездозрением предрицати о будущих и о самовластии человеком» Максима Грека.

Denissoff E. Maxime le Grec et l'Occident. Contribution à l'histoire de la pensée religieuse et philosophique de Michel Trivolis. Louvain; Paris, 1943. XI + 460 p.

Garzaniti M. Michel Trivolis / Maxime Le Grec (1470 env. — 1555/1556): Sa vie et sa carrière // *Revue des études slaves*. Paris, 2019. T. 90, № 3. P. 431—452.

Garzaniti M. Michele Trivolis alias Massimo il Greco, Girolamo Savonarola e i domenicani di San Marco (Firenze) // *I Domenicani e la Russia* (Roma, 9—10 dicembre 2016) / *Archivum Fratrum Praedicatorum*. Roma, 2019. № 4 (NS). P. 41—74.

Garzaniti M. Imperium e sacerdotium nella Russia del Cinquecento fra Filofej di Pskov e Massimo il Greco // *Mare nostrum*. M., 2021. T. 2. P. 168—183.

Garzaniti M. Antonio Cortesi Urceo detto Codro // *Dizionario Biografico degli Italiani* 29. Roma, 1983. URL: <http://www.treccani.it/biografico/index.html> (дата обращения: 22.12.2021).

Pappalardo L. Le strategie dell'apologetica cristiana nelle opere giovanili di Gianfrancesco Pico della Mirandola: il *De studio divinae et humanae philosophiae* // *Archivio di storia della cultura*. Napoli, 2011. T. 24. P. 3—30.

Pappalardo L. Gianfrancesco Pico della Mirandola: fede, immaginazione e scetticismo. Turnhout, 2014. PG. Parisii, 1862. T. 56.

Iohannes Franciscus Picus e Mirandola. *De studio divinae et humanae philosophiae*. Bononiae, 1496 (ex. off. Benedicti Hectors Bononiensis). 387 p.

Romoli F. «Trattato contra li astrologi» Джироламо Савонаролы и «Слово противу тшачихся звездозрением предрицати о будущих и о самовластии человеком» Максима Грека: Опыт сопоставительного анализа // *Wiener Slavistisches Jahrbuch (Neue Folge)* Wien, 2015. T. 3. P. 1—17.

Tromboni L. La cultura filosofica di Girolamo Savonarola tra predicazione e umanesimo: Platone, Aristotele e la Sacra Scrittura // *Cahiers d'études italiennes*. Grenoble, 2019. T. 29. URL: <http://journals.openedition.org/cei/6184> (дата обращения: 22.12.2021).

References

Bulanin D. M. Perevody i poslanija Maksima Greka: Neizdannye teksty. L., 1984. 277 s.

Bulanin D. M. Bulev (Bjulov) Nikolaj // *Slovar' knizhnikov i knizhnosti Drevnej Rusi*. L., 1988. Vyp. 1: Vtoraja polovina 14 — 16 v. Chast' 1: A—K / Pod red. D. S. Lihacheva. S. 101—103.

Bulanin D. M. Na puti k arhivu Fedora Karpova: sledy v Chudovom monastyre? // *Vestnik Sankt-Peterburgskogo universiteta*. Serija: Jazyk i literatura. 2021. № 1 (18). S. 18—36.

Gardzaniti M. Biblejskie citaty v cerkovnoslavjanskoj knizhnosti. M., 2014. 232 s.

Gardzaniti M. Perevod i ispol'zovanie Biblii v tvorčestve Maksima Greka // *Slavjanskaja Biblija v epohu rannego knigopechatanija: K 510-letiju sozdanija Biblejskogo sbornika Matfeja Desjatogo*. SPb., 2017. S. 57—65.

Gardzaniti M. «Slovo o nestroenijah i bezčinijah» Maksima Greka: K istočnikam Plača Vasilii // *Russkaja literatura*. 2021. № 1. S. 55—70.

Gardzaniti M. “Stjazanie o izvestnom inoch'skom zhitel'stve” Maksima Greka: Struktura proizvedenija i ego cel' // *Drevnjaja Rus': Voprosy medievistiki*. 2021. № 1 (83). S. 161—170.

Gardzaniti M. “Stjazanie o izvestnom inoch'skom zhitel'stve” Maksima Greka. Ponjatie nestjazhatel'stva i ego istočniki // *Drevnjaja Rus': Voprosy medievistiki*. 2021. № 2 (84). S. 142—155.

Ideja Rima v Moskve 15—16 veka: Istočniki po istorii russkoj obshhestvennoj mysli / Pod red. P. A. Katalano, V. P. Pashuto (L'idea di Roma a Mosca, XV—XVI sec. Fonti per la storia del pensiero sociale russo). Rim, 1993.

Ivanov A. I. Maksim Grek i Savonarola // *Trudy Otdela drevnerusskoj literatury*. L., 1968. T. 23. S. 217—227.

Ivanov A. I. Maksim Grek i ital'janskoe vozrozhdenie // Vizantijskij Vremennik. M., 1972. T. 33. S. 140—157; 1973. T. 34. S. 112—121; T. 35. S. 119—136.

Prepodobnyj Maksim Grek. Sochinenija: [V 2 t.] / Pod red. N. V. Sinicynoj. M., 2008. 568 s.

Prepodobnyj Maksim Grek. Sochinenija: [V 2 t.] / Pod red. N. V. Sinicynoj. M., 2014. 432 s.

Romoli F. “Trattato contra li astrologi” Džiolamo Savonaroly i “Slovo protivu tshhishhsja zvezdozreniem predricati o budushhich i o samovlastii chelovekom” Maksima Greka: Opyt sopostavitel'nogo analiza // Wiener Slavistisches Jahrbuch (Neue Folge) Wien, 2015. T. 3. P. 1—17.

Rzhiga V. F. Opyty po istorii russkoj publicistiki 16 v.: Maksim Grek kak publicist // Trudy Otdela drevnerusskoj literatury. M.; L., 1934. T. 1. S. 5—110.

Sinicyna, N. V. Maksim Grek. M., 2008. 240 s.

Sinicyna, N. V. Bulev // Pravoslavnaja Enciklopedija, M., 2009. T. 6. S. 361—363.

Zhurova L. I. Avtorskij tekst Maksima Greka. Rukopisnaja i literaturnaja tradicii: [V 2 t.]. Novosibirsk, 2011. T. 1. 494 s.; T. 2. 303 s.